

Сегодня Республиканский русский драматический театр открывает свой новый сезон. В театре главным режиссером третьего года работает Георгий Викторович Константинов.

В публикуемой статье даются некоторые штрихи творческого портрета Г. В. Константинова.

Чаще всего он прекрасно показывает то, чего хочет от артиста, что должно получиться. Это не детальный показ, когда артисту остается только скопировать увиденное. Нет, это намек, какая-то характерная де-

что плохо. Но ведь главный режиссер на то и главный, чтобы быть первым, чтобы не терять высокой мудрости художника, безупречности вкуса. А бывает, ошибается в репертуаре. Причем как? То идет все с выбором

ные. И репетиции такого плана становятся зачастую интереснее спектаклей... А завтра новая репетиция и, увидев сделанное вчера, Георгий Викторович может сказать: «Кто это вчера предложил такое? Я? Отменить! Это плохо! Попробуем так... А если так?...». Но не тем ли движется вперед художник, что умеет трезво посмотреть на сделанное им раньше и отвергнуть, может быть, и дорогое сердцу, рожденное нелегко, во имя более интересного, глубокого?

Произведения острые, волнующие, романтически широкие и поэтичные главный режиссер русского театра любит, кажется, больше всего. Ведь и «Совесть», и «Барабанщина», и «Большая волна» поставлены им как широкие, не только романтические, но и поэтические произведения. А если уж психологическая драма окажется у него в руках, так она должна быть сложной, глубокой, проблемной и правдивой.

И к авторам пьес, с которыми часто приходится встречаться, Г. В. Константинову, он предъявляет те же требования.

Трудно, но интересно работать с этим беспкойным, не всегда ровным и справедливым, но талантливым художником. А может, и хорошо, что трудно? В искусстве — что легко, то недорого стоит. И нет здесь весов, чтобы всегда можно было отмерить точную порцию справедливости, и нет линейки, по которой так удобно прочертить идеально ровную линию в работе...

Идти вперед! И пусть завтра его искусство будет еще более ярким, чем сегодня — вот чего в новом сезоне хочется пожелать Г. В. Константинову — художнику и человеку.

Л. ДОБРОНРАВОВА.

На снимке: сцена из спектакля «Покушение на Прометея» в постановке Г. В. КОНСТАНТИНОВА. В роли В. И. ЛЕНИНА — арт. В. КОЖЕВНИКОВ, в роли Н. КРУПСКОЙ — арт. Н. ПОПОВА.

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

РЕЖИССЕР

СПЕКТАКЛЬ «Совесть»... Он шел у нас много раз, публика любила его. Стоило послушать аплодисменты, обменяться мнениями со зрителем, чтобы понять это.

Постановкой спектакля «Совесть» начал свою работу как главный режиссер в Республиканском русском драматическом театре Георгий Викторович Константинов. А что это значит «режиссер поставил спектакль», и как

отражается в спектакле личность постановщика, его вкусы, творческие пристрастия? Вопрос большой, и трудно в одной статье дать на него исчерпывающий ответ.

Вы помните, как Василий Мартынов, герой спектакля «Совесть», обнаружив обман, выходил на мостик, перекинутый через рампку, и обращался к нам, зрителям. Он говорил о своих сомнениях и о своей решимости не сдаваться, и мы чувствовали необычайную близость с ним, хотели помочь или, наоборот, предостеречь, мы становились как бы участниками спектакля. А предположили для этого создал режиссер тем, что вывел актера к самым первым рядам кресел зрительного зала и, осветив его лучом прожектора, оставил как бы один на один с нами, зрителями. Вот, оказывается, какое значение имеет движение актера по сцене и его положение на ней. В работе режиссера это называется мизансценой. В самом деле, не могут же артисты ходить по сцене как кому вздумается. Здесь должна быть своя мысль, то главное, ради чего артист пошел туда, а не сюда, или встал именно здесь. Эта главная мысль принадлежит режиссеру спектакля.

Г. В. Константинов умеет находить в своих спектаклях точные мизансцены. У этого режиссера и самый замысел спектакля чаще всего идет от его внешнего образа. Рожденная воображением режиссера декорация иногда помогает определить и общий ритм спектакля, и его звучание. Изломанные, готовые обрушиться стены дома в «Барабанщине» (эта пьеса А. Салынского шла у нас в прошлом сезоне) сразу настраивали на тревожный, беспокойный лад, заставляли ждать драматических, даже трагических событий, а внешне прекрасно передавали атмосферу прифронтового города.

ИДТИ от какого-то зрительного образа, вообще идти от внешнего — это право художника, артиста, режиссера, и на этом пути, когда найдено точное соответствие формы и содержания, рождаются самые большие творческие удаи. Но... когда внешнее преобладает, фантазия может повести и не туда. Тогда в пьесе вдруг можно увидеть то, чего в ней нет, и весьма посредственное произведение покажется шедевром только из-за того, что в нем одна-две выигрышные сцены... А потом — пьеса все-таки «побеждает» режиссера, и рождается серенький, безликий спектакль, о котором не очень хочется вспоминать. Г. В. Константинов знает, когда это случалось в нашем театре и что это ему стоило как художнику. Что ж, бывают творческие поражения или полуудачи, из которых рождаются победы...

Мизансцена, оформление спектакля, идея которого подсказал художнику режиссер, — это то, что видит зритель. Образ, созданный артистом, что и как артист играет, тоже видит зритель. Но вот как этот образ рождается? Сколько артистов, столько и тайн рождения сценического образа, у каждого свой путь к нему. Но не будь режиссера, образ не родился бы вовсе, оставшись чем-то расплывчатым и нереальным, или родился бы с гораздо большим трудом. Я говорю «родился». Да, рождение образа действительно похоже на рождение человека. Ведь создается нечто новое, на тебя самого непохожее совсем или похожее весьма отдаленно. А режиссер уже предвидел это рождение человека-образа в своем воображении. Он знает, каким должен быть каждый и все вместе, как должна прозвучать пьеса идейно и какое основное впечатление должно остаться у зрителя.

ЧАСТО говорят, что режиссер — зеркало актера. В основном это верно, но вот Константинов на репетиции меньше всего напоминает зеркало, если понимать под этим бесстрастное и точное отражение происходящего в репетиционном зале. Режиссер живет вместе с актером, он внутренне «пронгравает», продлевает как бы все вместе с ним. Да вместе, но всегда чуть-чуть по-своему. Если привыкнуть к манере режиссерской работы Г. В. Константинова, то следя за его непрерывно меняющимися, в зависимости от происходящего на сцене, позами, за выражением лица, можно почти безошибочно угадать, что он сейчас скажет тому или другому артисту.

таль, иногда движение, иногда взгляд, но в этой детали, движении — главное в образе, в сцене в данный момент. Это главное легко угадывается артистом, если он внимателен и чуток, согласен с замыслом режиссера. Тогда он подхватывает этот точный и выразительный показ и воплощает его по-своему.

Хуже бывает, когда режиссер, идя за уже сложившимся у него представлением, требует от актера беспрекословного подчинения себе. Тогда темперамент, чувство как будто идет у Г. В. Константинова впереди мысли, захватывает его настолько, что для анализа, для беспристрастного сравнения того, что хочет он сам и что предлагается актером, уже не остается места. Надо сказать, что чаще всего артисты бывают сами виноваты в этом, потому что и не пытаются доказать правомерность своего решения или вовсе такого решения не имеют, а откровенно ждут, когда им предложит его режиссер.

А РЕПЕРТУАР? Основа основ. И режиссер прочитывает каждый месяц десятки новых пьес, ищет среди них одну гениальную, которая поразит всех. Ну не гениальную, так хотя бы талантливую, очень талантливую... А пьесы-то и хорошие редки. Все больше так, «средние»... Когда читаешь их много, месяц за месяцем, то немудрено притупить вкус и потерять критерий — что хорошо и

что плохо. Но ведь главный режиссер на то и главный, чтобы быть первым, чтобы не терять высокой мудрости художника, безупречности вкуса. А бывает, ошибается в репертуаре. Причем как? То идет все с выбором

Впрочем, делает это наш «главный» чаще всего не «от хорошей жизни». Пьес-то интересных мало... А кроме того, «касса». Уж эта «касса»? Почему-то «кассовое» — это почти всегда синоним «второсортного». А всегда ли это так? Некоторые пьесы расцениваются как «некассовые», а дают много, и наоборот.

И НАКОНЕЦ, главный режиссер театра — это режиссер — вот в чем основное. Г. В. Константинов — человек темперамента и интуиции. Это не значит, что мысль у него, как у личности творческой, на заднем плане, но чувства — это для него очень многое в любом вопросе. И как же интересно разговаривать с Георгием Викторовичем, когда он чем-нибудь увлечен! Кажется, что фантазии нет предела, предложения интересные, иногда рискованные следуют одно за другим, тут же отвергаются и возникают новые, увлекательные, яркие, иногда фантастич-